

40 дней без конвоя

Красноярская исправительно-трудовая колония №6 строгого режима, где отбывали наказание осужденные за тяжкие преступления и рецидивисты, в октябре 1991 года перешла на самоуправление. Взбунтовавшиеся заключенные выгнали из зоны контролеров и оперативников, однако продолжали исправно ходить на работу. Они требовали уважительного отношения от администрации и тюремной реформы — от государства в целом. Противостояние длилось больше месяца — краевые власти не решались ввести в зону войска, так как не были уверены, что новое демократическое руководство в Москве одобрит силовое подавление бунта.

Красноярская
исправительно-
трудовая колония №6.
Фото: Максим Шер /
«Медиазона»

5 октября 1991 года в исправительно-трудовой колонии №6 массово проходило массовое крещение заключенных. Как писала газета «Красноярский комсомолец», сначала о желании приобщиться таинству православной церкви заявили 120 человек, но к приезду священников их количество утроилось. Мероприятие прошло без эксцессов, правда кто-то из новообращенных стащил у служителей церкви громкоговоритель и удлинитель.

Через двое суток заключенные кричали в громкоговоритель с крыш прилегающих к забору ИТК-6 зданий: «Мы требуем человеческого отношения!». Так в колонии с населением 2 240 человек начался бунт, который продлится 40 дней.

Начало неповиновения

Вечером 6 октября 1991 года дежурный наряд задержал в жилой зоне и увел в штрафной изолятор (ШИЗО) группу нетрезвых заключенных. Осужденный Новиков — по данным администрации ИТК, он оказал сопротивление, когда на него надевали наручники, — был избит. Его товарищи стали кричать и отбиваться от конвоиров. Начавшись в ШИЗО, к 22:00 бунт уже вырвался в жилую и производственную зону. Заключенные снесли забор, отделявший «штрафников» от остальной территории, выломали двери помещений камерного типа (ПКТ) и двинулись в штаб.

«Ряд осужденных поддержали хулиганские действия и с применением насилия выгнали из зоны администрацию, причинив восьмерым из них телесные повреждения и предъявив при этом требования о вызове представителей прокуратуры, прессы и советской власти для решения их вопросов», — сообщил 7 октября начальник УВД Красноярского края Геннадий Лукьянов.

Сильнее всех пострадал дежурный помощник начальника колонии (ДПНК) майор Хейфиц. По разным данным, дежурный то ли сам выпрыгнул со второго этажа, убегая от бунтующих, то ли они его выбросили в окно. Среди пострадавших осужденных оказались блатные, имевшие наиболее серьезное влияние в ИТК до начала акции неповиновения и, по мнению других заключенных, сотрудничавшие с оперативниками — их руками оказывалось давление и чинились расправы.

Поздно ночью в колонию приехали председатель Совета народных депутатов Красноярского края Вячеслав

Новиков, прокурор края Александр Москалец и замначальника УВД Семен Козель, возглавлявший Службу по исправительным делам и социальной реабилитации (СИД и СР) — тогдашнее региональное управление уголовно-исполнительной службы, которая находилась в подчинении МВД. Было решено «с целью частичного удовлетворения требований осужденных организовать встречу с ними представителей газет "Красноярский комсомолец", "Красноярский рабочий" и телевидения», говорилось в «Плане мероприятий по ликвидации групповых хулиганских действий», составленном руководством УВД.

Николаевка, пригород Красноярска. Известна как район компактного проживания лиц с криминальным прошлым и настоящим. 2009 год. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

Приказом главы УВД Лукьянова от службы отстранили замначальника ИТК-6 по режиму и оперативной работе подполковника внутренней службы Курохтина, начальника оперативного отдела колонии

капитана Яськова, старшего инспектора режимного отдела подполковника Севостьянова и дежурного помощника начальника колонии майора Яценко — тех, на кого поступило больше всего жалоб от заключенных.

На совещании, в котором приняли участие руководители УВД и прокуратуры, было решено отказаться от ввода военных в колонию и попытки силового подавления бунта. Солдаты внутренних войск и сотрудники МВД оцепили ИТК-6 по периметру. К утру у забора собрались и жители Красноярска — колония усиленного режима расположена посреди жилого района. В соседних с зоной кварталах — два детских сада и школа.

В 1991 году число заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях, воспитательно-трудовых колониях, тюрьмах и следственных изоляторах СССР составляло 433,8 человека на 100 тысяч населения, а в абсолютных показателях — 1 124 708 человек, говорилось в сводном отчете ГУИН МВД СССР.

Среди преступлений, за которые продолжали отбывать наказания, были еще не исключенные из УК антисоветская агитация и пропаганда (до 10 лет), вредительство (до 15 лет), спекуляция валютой (до 8 лет), мужеложство (до 8 лет), частное предпринимательство (до 5 лет), спекуляция (до 7 лет), нарушение паспортных правил (до 1 года).

По разным оценкам, за хозяйственные преступления в 1991 году продолжали отбывать наказание от 15 до 127 тысяч человек.

Статистика перенаселенности ИТК и следственных изоляторов не велась. Во взбунтовавшейся 6 октября 1991 года ИТК-6 в Красноярске содержались 2 240 человек при норме 1 600 человек.

«А дальше события развивались совершенно неожиданным образом. <...> В конфликте с самого начала приняли участие народные депутаты и депутаты Верховного Совета, какие-то гражданские лица, и администрация оказалась в растерянности, — вспоминал о происходившем в октябре-ноябре 1991 года в ИТК-6 правозащитник Валерий Абрамкин, который в качестве представителя Верховного Совета РСФСР участвовал в переговорах с заключенными. — В результате московского путча во всех колониях сложилась странная ситуация: администрация в целом поддерживала путчистов, а зэки — демократов. После поражения путча заключенные тоже почувствовали себя причастными к победе, а администрация почувствовала себя в роли той силы, которая потерпела поражение. Это лишило администрацию решимости, администрация теперь

не могла решать подобные конфликты прежними способами, то есть вводом войск, избиением и так далее. Вся эта ситуация определила нерешительность администрации — военным было непонятно, как новая власть будет реагировать на подобные силовые действия. А никакого опыта, никаких механизмов решения конфликтов подобного рода нормальным цивилизованным путем у мвдэшников нет, поэтому для них эта задача с самого начала представлялась необычайно сложной».

Требования бунтовщиков

Не доверяя руководству МВД и прокуратуры, заключенные передавали свои требования через журналистов красноярских газет и телевидения, проводя для них экскурсии по территории колонии. Первым делом гостей с воли вели в ШИЗО и ПКТ, а также в инвалидные бараки, демонстрируя антигуманные условия содержания. «В нечеловеческой тесноте, смраде и антисанитарии содержатся инвалиды. На средневековые казематы жестокосердной инквизиции смахивают помещения ШИЗО и ПКТ (жилые отряды немногим лучше). В некоторых камерах нет даже умывальника! А ведь в ПКТ сидят по шесть и более месяцев! И не по двое-трое; в махонькое помещение заталкивают порой по 10-15 человек. Как? А так: одни спят, другие стоят ждут очереди прилечь. И умываются, извините, в параше», — говорится в статье Татьяны Бочаровой «Бунт», опубликованной в «Красноярском комсомольце» 10 октября 1991 года.

В отличие от читателей газеты, для надзорных органов такое положение вещей не было сюрпризом: сохранилась справка о проведенной в ИТК-6 прокурорской проверке, датированная 4 октября 1991 года, — то есть она была составлена за два дня до бунта.

«Условия содержания осужденных в целом по учреждению являются неудовлетворительными. В среднем на одного осужденного менее 2 кв.м полезной площади (особенно не выдерживается установленная законом норма полезной жилой площади в размере не менее 2 кв.м в инвалидном отряде). Не оборудованы должным образом комнаты для хранения вещей и приема пищи, окна в ряде отрядов (инвалидных и др.) зарешечены, что препятствует поступлению света и воздуха в помещение, освещение в отрядах является недостаточным. <...> В камерах ШИЗО и ПКТ отсутствуют лампы ночного освещения, кнопки для вызова контролеров, комплекты одежды для ШИЗО и ПКТ. Камеры ШИЗО № 1, 2, 3 на момент проверки были переполнены водворенными в них осужденными, не обеспечена полезная площадь каждому в размере не менее 2 кв.м., в камере отсутствовал кран для питьевой воды, большинство постановлений о водворении осужденных в ШИЗО в соответствии со ст. 55 ИТК РСФСР подписаны ненадлежащими должностными лицами», — сказано в документе.

Саня Громадский (нет в живых, на момент съемки — 41 год). По его собственным словам, участвовал в бунте в ИТК-6 в октябре 1991 года. Громадский — кличка: один из сроков Саня отбывал в поселке Громадск Красноярского края. 2009 год. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

Попасть в ШИЗО можно было не только за нахождение в нетрезвом виде или другие серьезные нарушения режима, но и в том случае, если контролер заставлял осужденного в тапочках вместо сапог или с расстегнутой верхней пуговицей. Ограничивая право осужденных на переписку, сотрудники оперчасти изымали из писем фотографии близких или просто не передавали даже прошедшую цензуру корреспонденцию. Согласно многочисленным жалобам, оперативники систематически избивали осужденных в изоляторах и камерах.

По свидетельству побывавших в колонии в первые дни после начала бунта журналистов, в жилой зоне и производственных цехах заключенные поддерживали относительный порядок, в то время как штаб с оперчастью оказались разгромлены. В оказавшихся у заключенных документах были указаны домашние адреса и телефоны оперативных сотрудников. Квартиры четырех из них за время бунта ограбили.

Еще одна существенная претензия бунтующих в ИТК-6 к администрации касалась организации производства. В цехах колонии собирали мебель, делали комплектующие и детали механизмов для речных судов, резинотехнические изделия — по данным на 1991 год, на 250 млн рублей в год. Часть изготавливаемой заключенными продукции производилась по заказу и для нужд администрации: котлы для бань, детали для автомобилей, неучтенная в официальных документах мебель. Установив в колонии свои порядки, заключенные ИТК-6 потребовали улучшения условий труда и достойной оплаты. Комиссия Красноярского краевого совета, работавшая в колонии в середине октября, нашла многие требования осужденных обоснованными.

Блатные, мужики и самоуправление

ИТК-6, или «шестерка», до начала октябрьского бунта считалась «спокойной зоной»: власть в ней принадлежала администрации и активу — сотрудничающим с администрацией и оперчастью заключенным, для которых за воздействие на «нежелательный элемент» допускались режимные послабления. Кроме того, администрация колонии не принимала в нее воров в законе. При этом, согласно справкам оперативных сотрудников, в зоне действовали несколько группировок так называемых блатных, в частности, неких Лебедева и Неборака. Ее участники, предположительно, сотрудничали с оперчастью, так как в первые же часы после начала бунта они были выброшены за пределы захваченной заключенными территории вместе с представителями администрации. Как позже рассказывали журналистам заключенные, мужикам — то есть не связанным с блатными группировками осужденным — приходилось терпеть с их стороны поборы и издевательства. В частности, более 400 человек не могли нормально питаться в столовой, опасаясь нападений — в том числе с использованием заточек — и вооружались сами.

С началом акции неповиновения власть в ИТК-6 перешла к группировке Олега Кокина, судимого за тяжкие преступления рецидивиста. В рапорте оперативников говорится, что блатной Кокин (Кока) и до 7 октября 1991 года руководил в колонии группировкой, правда, она не имела большого влияния, но пыталась его завоевать. По мнению администрации, подготовка и организация бунта была частью этой борьбы за авторитет Кокина, а также еще одного блатного лидера, недавно появившегося в колонии — некоего Китайца.

Однако участвовавший в организации переговоров заключенных и властей правозащитник Абрамкин выяснил, что до того момента, когда начался бунт, ни Кокин, ни Китаец не провели в зоне ни дня. «По прибытии из других колоний — Китаец прибыл в августе, а Кокин в июле — их сразу поместили в ПКТ и в зону не выпускали. В зоне их никто как следует не знал, и говорить о том, что якобы эта группировка подготовила этот бунт, как считает оперчасть, просто смешно», — пишет Абрамкин в «Хронике Красноярского бунта».

Еще одно событие, с которым связывают начало волнений в ИТК-6, — сходка воров в законе в Хабаровске, которая состоялась в сентябре 1991 года. По данным МВД, на этой встрече воры обсуждали возможность установления «черных режимов» — то есть власти криминалитета — в зонах Сибири и планировали сразу несколько бунтов и акций неповиновения, прошедших позже в Красноярском крае, Читинской области и других регионах.

После начала бунта и до его подавления в «шестерке» не выстроилось четкой иерархии заключенных: даже переговоры с администрацией и депутатами вели не криминальные авторитеты, якобы подчинившие себе остальных, а выборные делегаты, среди которых были и блатные, и мужики. Последние, по их собственным утверждениям, не только были согласны, но и настаивали на том, чтобы продолжать работать во время бунта и поддерживать обычный распорядок жизни в колонии.

Эдуард, красноярский рецидивист и кольщик (мастер-татуировщик), 39 лет, из них больше половины провел в местах заключения. 2009 год. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

И хотя блатные были заняты выяснением отношений между группировками, а часть заключенных постоянно находилась на крышах (вели переговоры с «волей», наблюдали за действиями оцепления

и иногда бросали в военных камни), большинство заключенных продолжало ходить на работу. Вольнонаемные сотрудники также ежедневно приходили в зону: работала столовая, медсанчасть, магазин, грузовики приезжали за готовой продукцией. «К нам они относились нормально. Никаких претензий, никаких вольностей не позволяли», — рассказывала через несколько лет телеканалу НТВ Анастасия Криворукова, работавшая в ИТК-6 фельдшером.

В справке администрации колонии от 22 октября 1991 года — другие сведения: «16 октября около 12 часов осужденный Курмочкин, находясь в нетрезвом виде, нанес оскорбление в нецензурной форме мастеру цеха резинотехнических изделий (РТИ) Караченцеву, также высказывались неоднократно угрозы физической расправы мастерам цеха РТИ Александрову и Хабибулину. В этот же день осужденный Мадаю-Мадачи в нетрезвом состоянии, угрожая ножом, завладел автомобилем марки МАЗ вольнонаемного водителя Тихонова, разъезжая по территории учреждения, не справился с управлением и разбил автомобиль. После этого он опять, угрожая ножом, завладел автомобилем водителя Гончаренко. 17 октября период с 10 до 13 часов осужденный Мадаю-Мадачи неоднократно приходил в медсанчасть с ножом и просил медработников сделать ему успокаивающий укол, так как у него есть намерение совершить убийство кого-либо. <...> Работницы магазина 22 октября отказались идти в зону из-за моральных издевательств и необоснованных требований осужденных отовариваться за наличные деньги».

Что касается контролеров и оперативников, то они находились в колонии лишь днем, а на ночь покидали зону: «В темное время суток обстановка практически не контролируется администрацией ИТУ. По состоянию на 22 октября по причине реальной опасности за жизнь и здоровье работников ИТУ было принято решение не заводить личный состав на территорию в вечернее и ночное время», — говорится в той же справке администрации.

Алкоголь вместо производства

Главной опасностью и бедой зоны и администрация, и депутаты-переговорщики, и сами заключенные называли алкоголь и наркотики, появившиеся в «шестерке» в первые же дни бунта. «Каждый день в зоне пьянка, перебросы спиртного не прекращаются. И хотя мы усилили посты солдатами и милицией, все равно через забор летят "посылки" с водкой, наркотиками, оружием. И каждую ночь охрана стреляет, отгоняя желающих подобрать эти "подарки" с воли», — цитировала газета «Вечерний Красноярск» помощника генпрокурора России Александра Коршунова.

Водка на территории бунтующей ИТК-6 стоила дешевле, чем на воле: 60 рублей за пол-литра спирта и 35 за бутылку водки при ценах 40-50 рублей в магазинах Красноярска. Абрамкин в «Хронике Красноярского бунта» пишет, что задавал вопрос о дешевой водке в зоне и путях решения этой проблемы заместителю начальника СИД и СР края по оперативно-режимной работе Борису Логинову, но не получил вразумительного ответа: «Логинов профессионал оперативной работы, а тут вдруг замялся, задумался, но прямо ответить на мой вопрос не смог и начал говорить какие-то несвойственные для профессионала вещи: надо, дескать проверить тех, кто занимается перебросом в зону спиртного... И это уже прождав месяц и не проверив этого раньше, хотя как профессионалу, ему это следовало бы сделать месяц назад».

По одной из версий, алкоголь оказывался в колонии если не при прямом участии, то при явном попустительстве сотрудников оперчасти. Заключенные в своих обращениях — не доверяя МВД и прокуратуре, их составляли исключительно на имя президента Бориса Ельцина — указывали, что их желание и готовность

работать на производстве во время бунта встречают противодействие администрации.

«Зона уже второй месяц почти не работает. Оперативные работники способствуют этому. Запускают своих людей и устраивают поджоги, идут на все подлости, чтоб в зоне началось кровопролитие», — писал заключенный Павел Кузнецов.

«Производственная база колонии вот уже второй месяц не обеспечивается в полной мере всеми необходимыми средствами и поэтому не выпускает продукцию. Таким образом, создается впечатление, что администрация ИТК-6 умышленно дестабилизирует обстановку в колонии, сваливая вину на осужденных — якобы осужденные не хотят приступить к работе», — говорится в обращении к президенту осужденного Олега Раевского.

Воровская «малина», где освободившиеся из мест заключения могут некоторое время жить, решая, что делать дальше. Николаевка, 2009 год. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

«Мы готовы работать на производстве, но нам не дают "граждане" Курохтин, Замараев, Грязнов, Яськов. Они срывают поставки сырья на производство. Подкупают своих людей, которые осуществляют их гнусные планы: поджигают цеха, провоцируют побеги, устраивают драки и поножовщину», — разоблачает оперативников заключенный Олег Зорин.

В коллективном обращении заключенные подтверждают эти заявления: «Мы все выходили на работу, приходим в свои цеха к своим станкам, но все стоит заперто. Ибо нет администрации производства, нет сырья для производства продукции, нет комплектующих деталей. Нет того, нет другого. Нет отлаженной структуры производства. Нет командующего управленческого звена. И мы без толку, без дела слоняемся так до сих пор и не поняв: почему же мы не работаем?»

По данным газеты «Красноярский рабочий» на 24 октября, нанесенный бунтом ущерб экономике края составил около 3 млн рублей. Речь идет не только о «шестерке»: примерно в то же время, но не так масштабно и подолгу, бунтовали заключенные колоний №7, №27, №31. Озабоченные неповиновением заключенных, предприятия стали расторгать договоры с колониями. Так поступил и Красноярский завод резинотехнических изделий, размещавший заказы на производство в ИТК-6.

Бунт «вохры»

Разборки авторитетов, повальное пьянство и остановившееся производство — 14 октября, через неделю после начала бунта, к ним добавилась еще и забастовка оперативников, а через три дня и контролеров ИТК-6. Наибольшее возмущение сотрудников колонии вызвало решение отстранить от работы их коллег, на которых жаловались заключенные.

Руководство исправительной службы и УВД протестующие сотрудники обвинили в «беспринципности, нерешительности и некомпетентности»: «Своевременных мер по пресечению массовых беспорядков не приняли, а пошли на поводу у созданной по требованию осужденных группы из числа депутатов и иных некомпетентных лиц, не знающих специфики работы исправительно-трудовых учреждений. <...> В угоду требований преступной элиты и продолжая с ними заигрывания, начальник УВД без всяких оснований отстранил от исполнения обязанностей двух заместителей начальника ИТК, двух ДПНК, весь оперативно-режимный состав. Кроме того, осужденными подготовлен список на увольнение других сотрудников, "не отвечающих", по мнению осужденных, их требованиям, при этом созданная группа по ведению переговоров продолжала выполнять самые циничные требования преступников, включая ввод женщин вольного поведения в жилую зону».

Отказавшись работать в зоне, сотрудники ИТК-6 сформулировали требования: отменить решение об отстранении сотрудников и возбуждении в отношении них уголовных дел, возбудить дела на зачинщиков бунта, принять «решительные, законные меры по ликвидации массовых беспорядков», выдать начальствующему составу табельное оружие и «срочно принять меры, направленные на повышение общественного статуса людей, выбравшими себе работу с лицами, преступившими закон, усилить их социальную и правовую защищенность». Через несколько дней к перечню прибавились еще и материальные притязания: выплатить компенсацию пострадавшим при беспорядках, повысить пенсии и обеспечить льготами всех сотрудников колонии, в том числе вольнонаемных.

В николаевской
«малине». 2009 год.
Фото: Максим Шер /
«Медиазона»

Одно требование у оперативно-режимных сотрудников и заключенных было общим — немедленно принять новое уголовно-исполнительное законодательство.

Акция протеста сотрудников «шестерки» продолжалась до 25 октября. Среди активно выступавших в СМИ был начальник оперчасти капитан Яськов, отстраненный в первые дни бунта по жалобам осужденных. Со страниц газеты «Красноярский комсомолец» он призывал подавить бунт в ИТК-6: «Время упущено. И сейчас добиться порядка и соблюдения режима в бунтующих зонах можно только с помощью решительных действий. Иначе развитие ситуации может быть непредсказуемым».

«Претензии офицеров, на мой взгляд не вполне объективны. Выдвигать ультиматумы в такой сложной обстановке вообще несерьезно. Мы должны быть выдержанными. Без внимания требования личного состава руководство УВД не оставит», — увещевал протестующих сотрудников ИТК начальник службы исправительных дел Семен Козель.

В итоге приказ начальника УВД Лукьянова был отменен, и всех отстраненных сотрудников восстановили на работе: «Таков итог служебной проверки — обвинительные факты, высказанные осужденными, не подтвердились. Конкретных случаев рукоприкладства и необоснованного применения спецсредств со стороны этих восьми сотрудников колонии не установлено».

К удивлению заключенных, в начале ноября капитан Яськов, подполковник Курохтин и другие сотрудники вновь вышли на службу в ИТК-6. Прокуратура края назвала действия руководства УВД «нерешительными» и заявила, что в зону в течение первой недели бунта необходимо было вводить войска.

«Им нужен был этот бунт»

Но не настроенное на силовые действия руководство красноярского УВД не только не вводило войска, но и успело выполнить часть требований заключенных, касающихся послабления режима содержания. Соответствующее распоряжение 18 октября отдал начальник СИД и СР Козель.

Согласно документу, заключенным теперь разрешалось находиться в жилых секторах и помещениях в тапочках и спортивной одежде темных цветов, а не только в казенной форме. От родственников во время свиданий заключенные могли получать теплое белье.

Тропинка от железнодорожной станции проходит вдоль бетонной стены, отделяющей Николаевку от центра Красноярска. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

Это же распоряжение отменило ограничение переписки и разрешило заключенным делать покупки в магазине «сверх лимита». В исключительных случаях осужденные могли даже получить разовое

пособие — до 50 рублей. В магазине колонии стало можно покупать хлеб, маргарин и овощи, кроме того, твердые продукты питания — тот же хлеб — теперь разрешалось выносить из столовой. В столовых были созданы комиссии осужденных, которые могли бы следить за закладкой продуктов и качеством приготовляемой пищи.

Осенью 1991 году бунты и акции неповиновения прошли, по меньшей мере, в 14 лагерях и следственных изоляторах по всей России: в Башкирии, Удмуртии, Чечено-Ингушетии, Красноярском крае, Архангельской, Владимирской, Ярославской областях.

13 ноября 1991 года прошла всероссийская забастовка заключенных, которую поддержали Московская Хельсинкская группа и Общественный центр содействия гуманизации пенитенциарной системы — с тем, чтобы перевести тюремный протест в мирное русло. Глава Центра Валерий Абрамкин призвал принять участие в однодневной забастовке не только осужденных, но и сотрудников колоний. Требование забастовки — широкая амнистия и скорейшая реформа пенитенциарной системы.

По оценкам правозащитников, в двухчасовом отказе от работы 13 ноября приняли участие 50 тысяч человек. После этого заключенным предложили объявить месячный мораторий на любые формы неповиновения. За это время руководство исправительной системы и депутаты должны были проанализировать их требования и подготовить законодательные и режимные изменения.

Среди выдвинутых заключенным требований было восстановления действующей до 1988 года нормы, предписывающей отбытие всего срока наказания в одном и том же исправительно-трудовом учреждении, отмена ограничений на посылки и бандероли, пересмотр норм питания на всех видах режима. Сотрудники исправительных учреждений, в свою очередь, выдвигали требования увеличения зарплаты и расширения категории льгот.

25 октября 1991 года изменения правил внутреннего распорядка в колониях были приняты уже на уровне приказов МВД и Прокуратуры РСФСР. Был расширен перечень продуктов и предметов, которые можно направлять заключенным в передачах, заключенным разрешили носить часы из недорогих металлов, иметь короткую стрижку, а не обритую голову, как раньше; отменили обязательное обращение к работникам внутренней службы «гражданин начальник».

Но градус противостояния эти меры не снизили, вспоминал через несколько лет в интервью начальник исправительной службы Козель: «Деталь, которая хорошо характеризует тогдашние настроения: когда волнения в учреждении только начались, я издал приказ, в котором, согласно веяниям времени, вводил небольшие послабления. В нем, например, разрешалось ношение часов, длинных волос. Но это уже не могло повлиять на бунтарский дух, воцарившийся в колонии. Им нужен был этот бунт. И ответом на мой приказ в устной речи осужденных неоднократно звучало пожелание одеть себе часы на... одно место».

Поджоги, заложники, подкуп

Примерно через неделю после начала бунта в ИТК-6 произошло несколько поджогов: в производственных помещениях, в мебельном цехе, в ШИЗО. Как следует из тех же обращений заключенных на имя Ельцина, они были уверены: поджоги совершают агенты оперчасти. Нескольких поджигателей поймали и заставили написать объяснительные, в которых они подтвердили, что действовали по заданию сотрудников ИТК. Мнение администрации: написать такое осужденных угрозами заставили блатные.

Представитель Верховного совета Абрамкин полагал, что поджоги действительно были не случайными и могли быть связаны с хозяйственными злоупотреблениями в колонии: «Интересно отметить, что поджигали: поджигали мебельный цех, поджигали те помещения, где хранилась в зоне документация. Мне трудно себе представить причины, из-за которых заключенные поджигали именно эти помещения. В первую ночь бунта, когда взбуревшая толпа могла все покрушить и разбить, погромили только помещения внутренней тюрьмы, ПКТ и ШИЗО и кабинеты штаба. Ни на промзоне, ни на жилзоне ничего не было разрушено. А спустя 8-9 дней после самого острого момента и самого беспорядочного состояния людей <...> произошли поджоги. Это началось как раз тогда, когда заключенные начали успокаиваться». После одного из пожаров из четырех камер ШИЗО исчезла упакованная мебель, которую, предположительно, изготавливали и продавали в обход официального производства.

21 октября произошло еще одно ЧП — двое заключенных захватили автомобиль, принадлежавший заводу резинотехнических изделий, и попытались протаранить на нем забор. «Кокин и Мадаю-Мадачи вынудили этих осужденных письменно написать, что они действовали по заданию администрации с целью спровоцировать ввод войск», — говорится в справке о состоянии оперативной обстановки в колонии.

Красноярское кладбище Бадалык, место захоронения многих «бойцов» и авторитетов, погибших в криминальных войнах 1990-х. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

26 октября газеты сообщили: ситуация в ИТК-6 обострилась, заключенные захватили в заложники троих офицеров и потребовали выдать им троих криминальных авторитетов, которых за постоянное

пьянство и провокации удалила из зоны администрация. «В 14-00 за авторитетами закрылись ворота КП. А через тридцать минут зона захватила заложников — полковника Белошапкина, старшего лейтенанта Аксенова и капитана Ноздрина. Ультиматум звучал так: "Верните наших — выпустим ваших". Условия были выполнены — не рисковать же жизнью людей! В 16:45 "авторитеты", торжествуя победу, вернулись в зону. А заложники (с их головы за время заточения и волос не упал) обрели свободу».

Инцидент с заложниками произошел на два дня раньше выхода газеты, 24 октября. В этот день заключенные в очередной раз намеревались выйти на работу. И именно на этот день оперативники наметили операцию по захвату лидеров бунта Кокина и Китайца. Вот что рассказывает об этих событиях в своих воспоминаниях Валерий Абрамкин: «В зону вышла вся администрация, нормально был проведен подъем, все ушли на работу, и тогда неожиданно к Китайцу приходит порученец-дневальный и говорит, что его вызывают на свидание, по моему, с девушкой, с которой он переписывался. <...> Когда же он пришел в комнату свиданий, там его поджидали сотрудники ОМОНа, которые его просто захватывают и увозят в следственный изолятор. Вместе с ним захватили двоих совершенно не относящихся к блатным людей — какого-то дневального и еще кого-то».

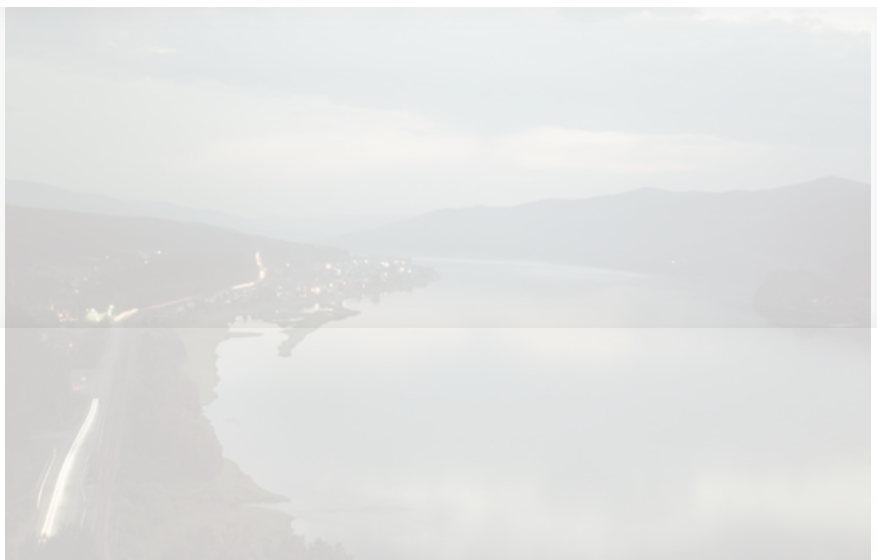
Правозащитник отмечал, что агрессивную реакцию бунтующих на эту операцию вызвал именно обман с вызовом на свидание: «Если бы этого Китайца просто в зоне захватила группа ОМОНа при всех, это был бы один сюжет, допустимый с точки зрения нормального человека. Но когда его вызывают на свидание с девушкой, то есть используют такой обман, то как это должен воспринимать нормальный заключенный? В глазах зэка — это жуткий обман, какая-то совершенная гнусность».

После захвата и освобождения заложников заключенные пошли вразнос: разборки между группировками, пьяные стычки и выпады в адрес режимных сотрудников участились. Как отмечает Абрамкин, в это время особенно очевидно стало, что так называемые лидеры бунта — не серьезные криминальные авторитеты, способные подчинить себе всю зону, а случайные блатные с не лучшими организаторскими способностями. В эти дни было совершено покушение на так называемого народного директора Зайцева — осужденного, не принадлежавшего к группировкам, который взял на себя организацию работы производства.

«По существу там правила не эта группа лидеров, а их окружение, армия гладиаторов, как их называют. К подобным лидерам в таких ситуациях всегда прибивается масса людей со здоровыми кулаками и чаще всего с одной извилиной в голове. Они просто не понимают тюремных законов и не ведают, как можно установить справедливый порядок, на который всегда ориентируется тюремное сообщество. А эти просто начали беспредельничать, ходили пьяные, у кого-то чего-то отнимали — в результате и простые мужики стали вооружаться, чтобы обезопасить себя», — писал Абрамкин.

В ночь на 7 ноября на территории жилой зоны зарезали заключенного Мартынова. «Принесли на вахту, на КПП, осужденного с перерезанным горлом. Спасти его не удалось, потому что была большая кровопотеря, несовместимая с жизнью», — вспоминала фельдшер Криворукова. В ту же ночь пьяные осужденные избили некоего Гайсина. 8 ноября — тоже ночью — стало ясно, что у заключенных ИТК-6 есть оружие: в ответ на стрельбу караула, который пытался так остановить переброску в зону алкоголя, раздалось несколько выстрелов. В производственной зоне избили, сломав ребра и проломив голову, а потом воткнули в спину заточку осужденному Чикунову.

Вид на Енисей. В годы советской власти тысячи заключенных были этапированы по реке в Норильсклаг и другие лагеря на севере Красноярского края. Фото: Максим Шер / «Медиазона»

Как позже выяснилось, в эти дни заключенные ИТК-6 начали рыть подкоп. «Начали рыть вечером и не месяц рыли, как там пишут, а именно вечером 11-го числа. Если бы они рыли месяц, то прорылись бы до Москвы, — я знаю, как зэки умеют работать. Для отвода глаз, чтобы не был обнаружен главный подкоп, начали рыть еще два», — утверждал Абрамкин. После подавления бунта в одном из цехов обнаружили начало 17-метрового подземного хода, как шахта, укрепленного подпорками.

Будущий генерал на бульдозере

Рыть ход на волю заключенные начали, когда поняли, что штурм колонии неизбежен. Тогда же, в последние дни бунта, произошел побег четверых осужденных: Александра Квасова, Валерия Тамаровского, Сергея Фокина и Виктора Сушко. Квасова поймали в день побега, 12 ноября, дома у жены; остальные беглецы тоже были вскоре задержаны.

Накануне побега начались переговоры между администрацией и заключенными, посредником в которых выступал представлявший Верховный Совет Абрамкин. Из-за побега второй день переговоров был сорван — правозащитника просто не пустило в колонию ее руководство. 13 ноября они продолжились. Условием администрации ИТК-6 была эвакуация из зоны 200 активных участников неповиновения, в том числе лидеров-блатных.

12 июня 1992 года был принят закон о внесении изменений в Исправительно-трудовой, Уголовный и Уголовно-Процессуальный кодексы РСФСР. Законом закреплялось создание

депутатских наблюдательных комиссий за условиями жизни в исправительных учреждениях. Залюченныне получили право на оплачиваемый труд, их зарплата должна была быть не меньше минимальной, заработанные деньги можно тратить в магазинах исправительных учреждений. В посылках разрешалось получать книги, подписываться на книги и журналы. Расширялись возможности для свиданий, разрешались телефонные переговоры четыре раза в год. Женщинам, имеющим детей, разрешалось получать отпуск не менее 15 дней для устройства детей у родственников. Отменялось ограничение переписки. Общий срок пребывания в дисциплинарном изоляторе в течение одного календарного года не мог превышать 40 суток, в штрафном изоляторе — 60 суток, в помещениях камерного типа — 6 месяцев.

1 июля 1993 года был принят Уголовный кодекс РСФСР в новой редакции. Вместо статьи об антисоветской пропаганде в нем говорилось о «призывах к насильственному изменению конституционного строя», исключалось мужеложство без применения насилия, декриминализировались частное предпринимательство и другие виды коммерческой деятельности.

23 февраля 1994 года было принято сразу два акта об амнистии: «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» (было освобождено 21173 человека) и «Об объявлении политической и экономической амнистии» (было освобождено 1951 человек). Залюченныне были согласны, но с условием, что этапирзуемых сразу погрузят в столыпинские вагоны, а не будут завозить в следственный изолятор, где их ожидало бы неминуемое избиение. Также они передали через переговорщиков список из 15 фамилий лидеров, которых должны были вывезти из зоны последними. Руководство УВД и прокуратура дали гарантии, что никто не будет избит.

Но на следующий день, 14 ноября, переговоры не состоялись. Сотрудники ИТК-6 обнаружили один из сделанных осужденными подкопов, депутатов и правозащитников в зону не пустили. Залюченныне ждали переговорщиков до середины дня, затем заподозрили возможный силовой исход и стали готовиться к обороне. Был захвачен грузовик, который они стали обшивать металлическими листами. На крыши зданий по периметру колонии подняли газовые баллоны. Администрация ИТК отдала приказ об отводе из зоны оперативно-режимных сотрудников.

Ночью прошел еще один раунд переговоров на нейтральной территории, в комнате для свиданий. «Я сказал им: то, что может сейчас произойти, это не только кровь и бессмысленные жертвы, но и козыри в руках тех людей, которые призывают за более жесткое к вам отношение. Это ударит не только по колонии, но и по сотням тысяч всех зэков, которые сидят в российских лагерях и тюрьмах, — вспоминал участвовавший в переговорах Абрамкин. — Они со своей стороны требовали отвести войска. Мы сказали, что об этом говорить поздно, слишком далеко все зашло. Расстались глубокой ночью, они обещали обсудить наши предложения и сообщить решение».

В операции по вводу войск в ИТК-6 и вывозу из нее зачинщиков бунта участвовали 1 390 человек: ОМОН и спецназ СИД и СР, военнослужащие внутренних войск, офицеры и прапорщики исправительной службы. Начальник Красноярского УВД генерал-майор Лукьянов обратился к залюченныным через громкоговоритель, потребовав сдать запрещенные предметы, прекратить нарушение закона и режима, построиться поотрядно, а предполагаемым зачинщикам (их генерал назвал по фамилиям) подготовиться к этапу.

«К лицам, активно оказывающим физическое сопротивление, совершающим нападения на сотрудников ИТУ и военнослужащих, будет применено огнестрельное оружие. В случае попытки движения на захваченных транспортных средствах в другом направлении по ним будет применен гранатомет», — предупредил Лукьянов.

Через 10 минут ограждение зоны проломил бульдозер, за рулем которого, в бронежилете и каске, сидел Владимир Шаяшников — замначальника СИД и СР УВД Красноярского крайисполкома. В 1997 году Шаяшников стал начальником краевого УИС и до сих пор возглавляет ГУФСИН по Красноярскому краю.

«Обошлось практически без выстрелов, если не считать несколько предупредительных в воздух. Бульдозер протаранил железобетонные плиты слева от транспортного КПП, и в этот проем в боевом порядке вошли войска. Первая группа рассредоточения и блокирования взяла под контроль промзону, вторая — жилой сектор

колонии. Увидев омовцев и спецназ, заключенные бросились с главной аллеи врассыпную. Зашли в локальные участки, сбились в кучи, а затем, словно примерные школьники, выстроились по команде поотрядно», — описывал операцию «Красноярский комсомолец».

Так называемых гладиаторов и лидеров бунта перед отправкой на этап все-таки отвезли в СИЗО и там избили, рассказывал Валерий Абрамкин: «Когда мы все же попали в тюремное помещение, я увидел заключенного из первой группы, который под диктовку писал заявление: "Я такой-то, такой-то прибыл в следственный изолятор". Спрашиваю: "А что ты хромаешь?" Он отвечает: "Да вот, дубинкой ударили". — "Что ж ты пишешь, что претензий не имеешь?" Он только поглядел на меня молча».

«Медиазона» благодарит Центр содействия реформе уголовного правосудия за помощь в подготовке материала.

Автор: Елена Шмараева © Babr24.com Источник: Медиазона ИСТОРИЯ, КРАСНОЯРСК 👁 12833
05.07.2015, 00:18 📄 1844

URL: <https://babr24.com/?ADE=137030> Bytes: 40399 / 38713 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Вайбер](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Красноярском крае и Хакасии:
krasyar.babr@gmail.com

Автор текста: **Елена
Шмараева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)